

HERMAN

1960

Ночью на Марсе

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Рисунки И. УШАКОВА

Когда рыжий песок под гусеницами краулера вдруг осел, Петр Алексеевич Привалов дал задний ход и крикнул Грицевичу: «Прыгайте!». Краулер задержался, разбрасывая тучи песка и пыли, и стал переворачиваться кормой вверх. Тогда Привалов выключил двигатель и вывалился из краулера. Он упал на четвереньки и, не поднимаясь, побежал в сторону. Песок под ним оседал и проваливался, но Привалов все-таки добрался до твердого места и сел, подобрав под себя ноги.

Он увидел Грицевича, стоявшего на коленях на противоположном краю воронки, и окутанную паром корму краулера, торчащую из песка на дне воронки. Теоретически было невозможно предположить, что с краулером типа «Ящерица» может случиться что-либо подобное. Во всяком случае, здесь, на Марсе.

Краулер «Ящерица» был легкой быстроходной машиной — пятиместная открытая платформа на четырех автономных гусеничных шасси. Но вот он медленно сползал в черную дыру, где жирно блестела глубокая вода. От воды валил пар.

— Каверна, — хрипло сказал Привалов. — Не повезло, черт.

Грицевич повернул к Привалову лицо, закрытое до глаз кислородной маской.

— Да, не повезло, — сказал он.

Ветра совсем не было. Клубы пара из каверны поднимались вертикально в черно-фиолетовое небо, усыпанное крупными звездами. Низко на западе висело солнце — маленький яркий диск над дюнами. От дюн по красноватой долине тянулись черные тени. Было совершенно тихо, слышалось только шуршание песка, стекающего в воронку.

— Ну ладно, — сказал Грицевич и поднялся. — Что будем делать? Вытащить его, конечно, нельзя, — он кивнул в сторону каверны. — Или можно?

Привалов покачал головой.

— Нет, Александр Григорьевич, — сказал он. — Нам его не вытащить.

Раздался длинный сосущий звук, корма краулера скрылась, и на черной поверхности воды один за другим вспучились и лопнули несколько пузырей.

— Да, пожалуй, не вытащить, — сказал Грицевич. — Тогда надо идти, Петр Алексеевич. Пустяки, тридцать километров. Часов за пять дойдем.

Привалов смотрел на черную воду, на которой уже появился тонкий ледяной узор. Грицевич поглядел на часы.

— Восемнадцать двадцать. В полночь мы будем там.

— В полночь, — сказал Привалов. Он с сомнением поджал губы под маской. — Вот именно — в полночь.

Осталось километров тридцать, подумал он. Из них километров двадцать придется идти в темноте. Правда, у нас есть инфракрасные очки, но все равно перспектива мало утешительная. Надо же такому случиться... На краулере мы были бы там засветло. Может быть, надо вернуться на Базу и взять другой краулер? До Базы сорок километров, и там все краулеры в разгоне, и прибудем мы на плантацию только завтра к утру, когда будет уже поздно. Ах, как нехорошо получилось!

— Ничего, Петр Алексеевич, — сказал Грицевич и похлопал себя по бедру, где под дохой болталась кобура с пистолетом. — Пройдем.

— А где инструменты? — спросил Привалов.

Грицевич огляделся.

— Я их сбросил, — сказал он. — Ага, вот они.

Он сделал несколько шагов и поднял небольшой саквояж.

— Вот они, — повторил он, стирая с саквояжа песок рукавом дохи. — Пойдем?

— Пошли, — сказал Привалов.

И они пошли.

Они пересекли долину, вскарабкались на дюну и снова стали спускаться. Идти было легко. Даже пятипудовый Привалов вместе с кислородными баллонами, системой отопления в меховой одежде и свинцовыми подметками на унтах весил здесь всего сорок килограммов. Маленький сухопарый Грицевич шагал как на прогулке, небрежно помахивая саквояжем. Песок был плотный, слежавшийся, и следов на нем почти не оставалось.

— За краулер мне страшно влетит от Иваненки, — сказал Привалов после долгого молчания.

— При чем здесь вы? — возразил Грицевич. — Кто мог даже подумать о каверне здесь, на трассе, которая исхожена сто пятьдесят раз? Послушайте, Петр Алексеевич! — воскликнул он весело. — Какое там влетит, ведь нас на Базе целовать будут! Ведь вы воду нашли!

— Вода нас нашла, — сказал Привалов. — Но за краулер все равно влетит. Что вы, Иваненко не знаете? «За воду спасибо, а машину вам больше не доверю».

Грицевич засмеялся.

— Ничего, обойдется. Да и вытащить этот краулер будет не так уж трудно... Глядите, какой красавец!

На гребне бархана, повернув к ним страшную треугольную голову, сидел мимикродон — двухметровый ящер, крапчато-рыжий под цвет песка. Грицевич кинул в него камешком и не попал. Ящер сидел, раскорячившись, неподвижный, как кусок камня.

— Удивительно невозмутимый гражданин, — сказал Грицевич.

— Спицын говорит, что их очень много на плантациях, — сказал Привалов. — Ирина Викторовна подкармливает их...

Они, не сговариваясь, прибавили шаг.

— Молодец она все-таки, — сказал Грицевич. — Не побоялась. Первая на Марсе.

— Кто-нибудь должен быть первым, — проворчал Привалов.

Дюны кончились. Они шли теперь через плоскую солончаковую равнину. Свинцовые подошвы звонко постукивали на мерзлом песке. В лучах белого закатного солнца горели большие пятна соли — глауберовой соли, какая на Земле добывается на озере Кара-Богаз. Вокруг пятен, оцетинясь длинными иглами, желтели шары «кактусов». Их было очень много на равнине, этих странных растений без корней, без листьев, без стволов.

— Бедный Спицын, — сказал Грицевич. — Вот беспокоится, наверное.

— Я тоже беспокоюсь, — ответил Привалов.

— Ну, мы с вами врачи, — сказал Грицевич.

— А что врачи? Вы хирург, я терапевт. Я принимал всего раз в жизни, и это было десять лет назад в лучшей поликлинике Архангельска, и у меня за спиной стояли опытные специалисты...

— Ничего, — сказал Грицевич. — Я принимал несколько раз. Не надо только волноваться. Все будет хорошо.

Под ноги Грицевичу попал колючий шар, он ловко пнул его. Шар описал в воздухе длинную пологую дугу и покотился, подпрыгивая и ломая колючки.

— Удар, и мяч медленно выкатывается на свободный, — сказал Грицевич. — Меня беспокоит другое. Будет ли ребенок нормально развиваться в условиях уменьшенной тяжести.

— Это меня как раз совсем не беспокоит, — отозвался Привалов. — Я уже говорил с Иваненко. Можно будет оборудовать центрифугу.

Грицевич задумался.

— Это мысль, — сказал он.

Когда они огибали последний солончак, что-то пронзительно свистнуло, один из шаров в десяти шагах от Привалова взлетел высоко в небо и, оставляя за собой белесую струю влажного воздуха, перелетел через врачей и упал в центре солончака. Привалов охнул и подпрыгнул от неожиданности.

— Ну что за мерзость! — плачущим голосом сказал он. — Каждый раз, когда я иду через солончаки, какой-нибудь мерзавец...

Он подбежал к ближайшему шару и неловко ударил его ногой. Шар вцепился колючками в полу его дохи.

— Вот ведь мерзавец... — приговаривал сквозь зубы Привалов, на ходу с трудом отдирая шар сначала от дохи, а затем от перчаток.

Это были знаменитые «летающие кактусы» — растения, почему-то приспособившиеся к передвижению. Такой вот колючий шар в течение нескольких суток лежал совершенно неподвижно, всасывая и сжимая в себе разреженный марсианский воздух, а потом вдруг разом выпускал его с оглушительным свистом и ракетой перелетал метров на десять-пятнадцать.

Грицевич вдруг остановился, поглядел на солнце и поднес к глазам часы.

— Девятнадцать тридцать пять, — сказал он. — Солнце сядет через полчаса.

— Что вы сказали, Александр Григорьевич? — спросил Привалов.

Он тоже остановился.

— Не разговаривайте громко перед заходом солнца.

Привалов огляделся. Солнце стояло уже совсем низко. Позади на равнине погасли пятна солончаков. Дюны потемнели. Небо на востоке сделалось черным, как китайская тушь.

— Да, — сказал Привалов. — Громко разговаривать, пожалуй, не стоит. Говорят, у нее очень хороший слух.

Грицевич поморгал заиндевелыми ресницами, изогнулся и вытащил из кобуры теплый пистолет. Он щелкнул затвором и сунул пистолет в глубокий карман дохи. Привалов тоже достал пистолет и сунул за отворот левого унта.

— Вы стреляете левой? — осведомился Грицевич.

— Да, — ответил Привалов.

— Это хорошо, — сказал Грицевич.

— Да, говорят.

Они поглядели друг на друга, но ничего уже нельзя было рассмотреть выше маски и ниже меховой опушки капюшона.

— Пошли, Петр Алексеевич, — сказал Грицевич.

— Пошли, Александр Григорьевич. Только теперь пойдем гуськом.

— Ладно, — весело согласился Грицевич.

И они пошли дальше, впереди Грицевич с саквояжем в левой руке, в пяти шагах за ним Привалов. Как быстро темнеет, — думал Привалов. Осталось километров двадцать пять. Ну, может быть, немного меньше. Двадцать пять километров по пустыне в полной темноте. И каждую секунду она может броситься на нас. Из-за той дюны, например. Или из-за той, подальше. Привалов зябко поежился. Надо было выехать утром. Но кто мог знать, что на трассе есть каверна? Поразительное невезение. И все же надо было выехать утром. Даже вчера, с вездеходом, который повез на плантацию пеленки и аппаратуру. Впрочем, вчера Грицевич оперировал. Темнеет и темнеет. Спицын, наверное, места уже не находит от беспokoйства. То и дело бегают на башню поглядеть, не едут ли долгожданные врачи. А долгожданные врачи тащутся пешком по ночной пустыне. Ирина Викторовна успокаивает его, но тоже, конечно, волнуется. Это у них первый ребенок, и первый ребенок на Марсе, первый марсианин... Она очень здоровая и уравновешенная женщина. Замечательная женщина. Ничего, все будет благополучно. Только бы не...

Привалов все время глядел вправо, на сереющие гребни дюн. Грицевич тоже глядел вправо. Поэтому они не сразу заметили Следопытов. Следопытов было тоже двое, и они появились слева.

— Эхой, друзья! — крикнул тот, что был повыше. Другой, короткий, почти квадратный, закинул карабин-автомат за плечо и помахал рукой.

— Эге, — сказал Грицевич с облегчением. — А ведь это Опанасенко и канадец Морган. Эхой, товарищи! — радостно заорал он.

— Какая встреча! — сказал, подходя, долгозвоный Гэмфри Морган. — Добрый вечер, доктор, — сказал он, пожимая руку Привалову. — Добрый вечер, доктор, — повторил он, пожимая руку Грицевичу.

— Здравствуй, товарищи, — прогудел Опанасенко. — Какими судьбами?

Прежде чем Привалов успел ответить, Морган неожиданно сказал:

— Спасибо, все закило, — и снова протянул Грицевичу длинную руку.

Опанасенко схватил Моргана за край капюшона, притянул к себе и закричал ему прямо в ухо:

— Все не так, Гэмфри! Ты проспорил! Затем он повернулся к врачам и объяснил, что час назад канадец случайно повредил в наушниках слуховые мембраны и теперь ничего не слышит, хотя уверяет, что может отлично обходиться в марсианской атмосфере без помощи акустической «техники».

— Он говорит, что и так знает, что ему могут сказать. Мы спорили, и он проиграл. Теперь он будет пять раз чистить мой карабин. Вы, конечно, на плантации, на биостанцию?

— Да, — ответил Привалов. — К Спицыным.

— Ну, правильно, — сказал Опанасенко. — Они вас очень ждут. Но почему пешком?

— С, — какая досада, — виновато сказал Морган. — Не могу слышать совсем ничего.

— Мы потопили краулер, — сказал Привалов.

— Где? — быстро спросил Опанасенко. — Каверна?

— Каверна. На трассе, примерно сороковой километр.

— Каверна! — радостно сказал Опанасенко. — Слышишь, Гэмфри? Еще одна каверна! Морган с карабином под мышкой вглядывался в темнеющие дюны.

— Ладно, — сказал Опанасенко. — Так вы потопили краулер и решили идти пешком? А оружие у вас есть?

Грицевич похлопал себя по карману.

— А как же, — сказал он.

— Та-ак, — сказал Опанасенко. — Придется проводить вас, Гэмфри! Черт, не слышит...

— Погодите, — сказал Грицевич. — Зачем это?

— Она где-то здесь, — сказал Опанасенко. — Мы видели следы.

Грицевич и Привалов переглянулись.

— Вам, разумеется, виднее, Федор Александрович, — нерешительно сказал Привалов, — но я полагаю, что мы могли пойти на риск... В конце концов мы вооружены и...

— Вы с ума сошли, — убежденно сказал Опанасенко. — У вас там на Базе все как-то, извините, блаженные. Предупреждаем, объясняем — все без толку. Ночью, через пустыню, с пистолетами. А завтра придется разysкивать по всему Сырту ваши обглоданные кости. Вам что, Хлебникова мало?

Грицевич пожал плечами.

— По-моему в данном случае... — начал он, но тут Морган сказал: «Ти-хо!», Опанасенко мгновенно сорвал с плеча карабин и встал рядом с ним. Привалов потянул из унта пистолет.

Солнце уже почти скрылось — над черными зубчатыми силуэтами дюн светилась узкая желто-зеленая полоска. Все небо стало черным, и звезд было очень много. Звездный блеск лежал на стволах карабинов, и было видно, как стволы медленно двигаются направо и налево.

Потом Морган сказал: «Ошибка. Прошу прощения», и все сразу зашевелились. Опанасенко крикнул на ухо Моргану:

— Гэмфри, они идут на биостанцию к Ирине Викторовне! Надо проводить!

— Гуд. Я иду, — сказал Морган.

— Мы идем вместе! — крикнул Опанасенко.

— Гуд. Идем вместе.

Врачи все еще держали в руках пистолеты. Морган повернулся к ним, всмотрелся и воскликнул:

— О, это не нужно. Это спрятать.

— Да-да, пожалуйста, — сказал Опанасенко. — И ради бога не вздумайте стрелять. И оденьте очки.

Следопыты были уже в инфракрасных очках. Грицевич стыдливо спрятал пистолет и перехватил саквояж в правую руку. Привалов помедлил немного, затем снова опустил пистолет за отворот левого унта.

— Пошли, — сказал Опанасенко. — Мы проводим вас не по трассе, а напрямик, через раскопки. Это ближе.

Теперь впереди и правее Грицевича шел с карабином под мышкой Опанасенко. По-

зади и правее Привалова вышагивал Морган. Тяжелый карабин-автомат на длинном ремне висел у него на шее. Опанасенко шел очень быстро, круто забирая на запад.

В инфракрасные очки дюны казались черно-белыми, а небо — серым и пустым. Это было похоже на рисунок свинцовым карандашом. Пустыня быстро остывала, и рисунок становился все менее контрастным, словно заволакивался туманной дымкой.

— А почему вас так обрадовала наша каверна, Федор Александрович? — спросил Грицевич.

— Ну как же, — сказал Опанасенко, не оборачиваясь. — Во-первых — вода, а во-вторых — в одной каверне мы нашли облицованные плиты.

— Ах да, — сказал Грицевич. — Конечно.

— В нашей каверне вы найдете целый краулер, — мрачно проворчал Привалов.

Опанасенко вдруг резко свернул, огибая ровную песчаную площадку. На краю площадки стоял шест с поникшим флажком.

— Зыбучка, — проговорил позади Морган. — Чтоб взял ее дьявол.

Зыбучие пески были настоящим проклятием археологов и инженеров на Марсе. Месяц назад был организован специальный отряд разведчиков-добровольцев, который должен был отыскать и отметить все зыбучие участки в окрестностях Базы.

— Но ведь Хасэгава, кажется, доказал, — сказал Грицевич, — что вид этих плит может объясняться и естественными причинами.

— Да, — сказал Опанасенко. — В том-то и дело.

— А вы нашли что-нибудь за последнее время? — спросил Привалов.

— Нет. Нефть нашли на востоке, окаменелости нашли очень интересные. А по нашей, археологической, линии, — ничего.

Некоторое время они шли молча. Затем Грицевич сказал глубокомысленно:

— Пожалуй, ничего странного в этом нет. На Земле археологи имеют дело с остатками культуры, которым самое большее сотня тысяч лет. А здесь — десятки миллионов. Напротив, было бы странно...

— Да мы и не очень жалуемся, — сказал Опанасенко. — Мы сразу получили такой жирный кусок — два искусственных Спутника. И нам даже копать ничего не пришлось. И потом, — добавил он, помолчав, — искать не менее интересно, чем находить.

— Тем более, — сказал Грицевич, — что осввоенная вами площадь пока так мала...

Он споткнулся и чуть не упал. Морган проговорил вполголоса:

— Петр Алексеевич, Александр Григорьевич, я подозреваю, что вы все время беседуете. Это сейчас нельзя. Федор меня подтвердит.

— Гэмфри прав, — виновато сказал Опанасенко. — Давайте лучше молчать.

Они миновали очередную гряду барханов и спустились в долину, где слабо мерцали под звездами пятна солончаков.

Опять, — подумал Привалов. Опять эти проклятые кактусы. Ему никогда еще не приходилось видеть кактусы ночью. Кактусы испускали ровный яркий инфракрасный свет. По всей долине были разбросаны светлые пятна. Очень красиво, подумал Привалов. Может быть, ночью они не взрываются. Это было бы приятной неожиданностью. И без того нервы, как струны. Опанасенко сказал, что она где-то здесь. Она — где-то здесь. Привалов попытался представить себе, каково бы им было сейчас без этого заслона справа, без этих спокойных надежных людей с их тяжелыми смертоубойными ружьями наготове. С пистолетиками среди ночных дюн... Интересно, метко стреляет Грицевич? Наверное, метко, ведь он несколько лет работал на арктических станциях. Но все равно... Пистолетики... — подумал Привалов. Трястись всю ночь у воронки,

где затонул краулер? Возвращаться на Базу? Это верно, в окрестностях Базы она никогда не появлялась... Эх, не догадался взять ружье на Базе, дурак. Хороши бы мы сейчас были без Следопытов. Правда, о ружье некогда было думать. Да и сейчас надо думать о другом — о том, что будет, когда доберемся до биостанции. Это сейчас вообще самое важное...

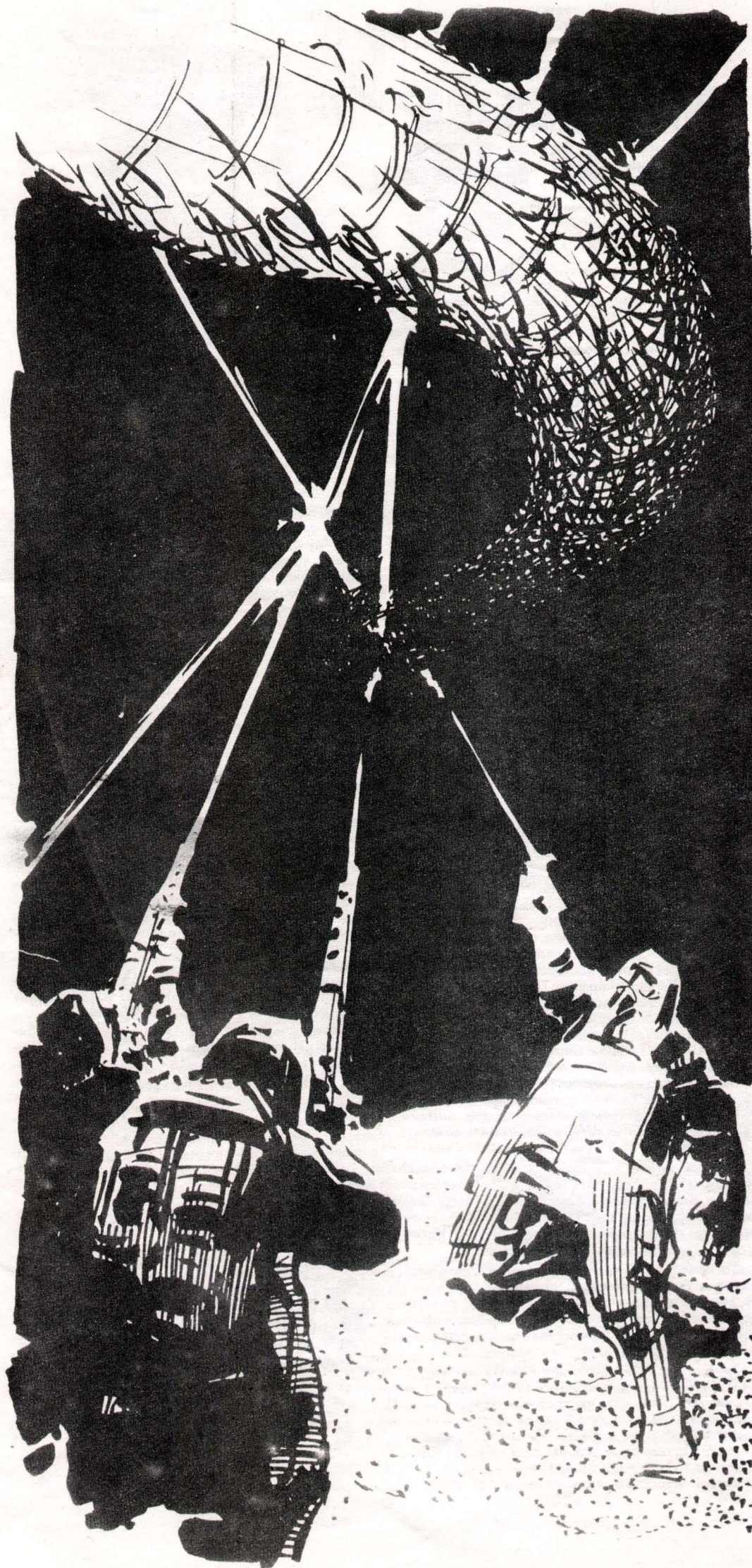
...Она всегда нападает справа, думал Грицевич. Все говорят, что она нападает только справа. Непонятно. Неужели на Марсе есть свои двуногие, легко уязвимые справа или трудно уязвимые слева? Тогда где они? За пять лет колонизации Марса мы не встретили здесь животных крупнее микродона. Впрочем, она тоже появилась всего два месяца назад. За два месяца восемь случаев нападения. И никто ее как следует не видел, потому что она нападает только ночью. Интересно, что она такое. У Хлебникова было разорвано правое легкое — пришлось ставить ему искусственное. Хлебников помнит только длинное блестящее тело с гладким волосом. Она прыгнула на него из-за бархана шагах в тридцати... Грицевич быстро огляделся по сторонам. Вот бы мы сейчас шли вдвоем, подумал он. Интересно, хороший ли стрелок Привалов. Наверное, хороший, ведь он долго работал в тайге с геологами. Он славно это придумал — центрифуга. Семь-восемь часов в сутки нормальной тяжести для мальчишки будет вполне достаточно. Хотя почему для мальчишки? А если будет девочка? Еще лучше, девочки легче переносят отклонения от нормы...

Долина с солончаками осталась позади. Справа потянулись длинные узкие траншеи, пирамидальные кучи песку. В одной из траншей, уныло опустив ковш, стоял экскаватор.

Экскаватор надо увести, подумал Опанасенко. Что он здесь зря болтается. Скоро бури начнутся. На обратном пути, пожалуй, и уведу. Жаль, что он такой тихоходный — по дюнам не более километра в час. А то было бы славно. Ноги гудят. Сегодня сделали с Морганом километров двадцать пять. В лагере будут беспокоиться. Ничего, с биостанции дадим радиограмму. Как там еще на биостанции будет! Бедный Спицын. Но это все-таки здорово — на Марсе будет малыш. Значит, будут люди, которые когда-нибудь скажут: «Я родился на Марсе». Только бы не опоздать. Опанасенко пошел быстрее. А доктора каковы, подумал он. Хорошо, что мы их встретили. На Базе, видимо, плохо понимают, что такое пустыня ночью.

Гэмфри Морган, погруженный в мертвую тишину, шагал, положив руки на карабин, и все время глядел вправо. Он думал о том, что в лагере, кроме дежурного, обеспокоенного их отсутствием, все уже, наверное, спят; что завтра нужно перевести группу в квадрат Е-11; что теперь придется пять вечеров подряд чистить карабин Федора; что придется еще чинить слуховое устройство. Затем он подумал, что врачи — молодцы и смельчаки, и что Ирина Спицына — тоже молодец и смельчак. Затем он вспомнил Галю, радистку на Базе, и с сожалением подумал, что при встречах она всегда спрашивает его о Хасэгава. Японец — превосходный товарищ, но последнее время он тоже зачастил на Базу. Правда, трудно спорить — Хасэгава умен. Это он первый поддал мыслью о том, что охота на «летающую пиявку» («сора-тобу хиру») может иметь прямое отношение к задачам Следопытов, потому что может навести людей на след марсианских двуногих... О эти двуногие! Соорудить два гигантских сателлита и не оставить больше никаких следов! Ничего, кроме нескольких плиток известняка в каверне...

Опанасенко вдруг остановился и поднял руку. Все остановилось, а Гэмфри Морган вскинул карабин и круто развернулся вправо.

— Что случилось? — спросил Привалов, стараясь говорить спокойно. Ему очень хотелось вытащить пистолет, но он постеснялся.

— Она здесь, — негромко сказал Опанасенко. Он помахал рукой Моргану. Тот подошел, и они наклонились, всматриваясь в песок. В плотном песке виднелась неглубокая широкая колея, как будто здесь протаскивали мешок с чем-то тяжелым. Коея начиналась в пяти шагах справа и кончалась в пятнадцати шагах слева.

— Вот и все, — сказал Опанасенко. — Она нас выследила и идет за нами.

Он перешагнул через колею, и они пошли дальше. Привалов заметил, что Грицевич снова переложил саквояж в левую руку, а правую сунул в карман дохи.

— Что ж, — сказал Грицевич неестественно веселым голосом. — Раз она нас уже выследила, давайте разговаривать.

— Давайте, — сказал Опанасенко. — А когда она прыгнет, падайте лицом вниз.

— Зачем? — оскорбленно спросил Грицевич.

— Лежачего она не трогает, — пояснил Опанасенко.

— Остается пустяк, — проворчал Привалов. — Узнать, когда она прыгнет.

— А вы это заметите, — сказал Опанасенко. — Мы начнем палить.

— Интересно, — сказал Грицевич. — Нападает она на мимикродонов? Когда они стоят столбиком, знаете? На хвосте и на задних лапах... Да! — воскликнул он. — Может быть, она принимает нас за мимикродонов?

— Мимикродонов не стоит выслеживать и нападать на них именно справа, — сказал Опанасенко немного раздраженно. — К ним можно просто подойти и есть — с хвоста или с головы, как угодно.

Через четверть часа они снова пересекли колею, и еще через десять минут другую. Грицевич замолчал. Теперь он не вынимал правую руку из кармана.

— Минут через пять она прыгнет, — напряженным голосом сказал Опанасенко. — Теперь она справа от нас.

— Интересно, — тихонько сказал Грицевич. — Если идти спиной вперед, она тоже прыгнет справа?

— Да помолчите же, Александр Григорьевич, — сказал сквозь зубы Привалов.

Она прыгнула через три минуты. Первым выстрелил Морган. У Привалова зазвенело в ушах, он увидел двойную вспышку выстрела, прямые, как лучи, следы двух трасс и белые звезды разрывов на гребне бархана. Секундой позже выстрелил Опанасенко. Бах-ба-бах, бах-ба-бах — гремели выстрелы карабинов, и было слышно, как пули с тупым треском рвутся в песок. На мгновение Привалову показалось, что он увидел оскаленную морду с выпученными глазами, но звезды разрывов и трассы уже сместились далеко в сторону, и он понял, что ошибся. Что-то длинное и серое стремительно пронеслось невысоко над барханами, пересекая гаснущие нити трасс, и только тогда Привалов бросился животом в песок. Тах, тах, тах, — Грицевич стоял на одном колене и, держа пистолет в вытянутой руке, торопливо опустошал обойму куда-то в промежуток между Морганом и Опанасенко. Бах-ба-бах, бах-ба-бах — гремели карабины. Теперь Следопыты стреляли по очереди. Привалов увидел, как длинный Морган на четвереньках вскарабкался на бархан, упал, и плечи его затряслись от выстрелов. Опанасенко стрелял с колена, и белые вспышки раз за разом озаряли огромные черные очки и черный намордник кислородной маски.

Затем наступила тишина.

— Отбили, — сказал Опанасенко, поднимаясь и отряхивая песок с колен. — Вот так всегда: если вовремя открыть огонь, она прыгает в сторону и удирает.

— Я попал в нее один раз, — сказал Гэмфри Морган. Было слышно, как он со звоном вытащил пустую обойму.

— Ты разглядел ее? — спросил Опанасенко. — Да он же не слышит.

Привалов, кряхтя, поднялся и посмотрел на Грицевича. Грицевич, завернув полу дохи, втискивал пистолет в кобуру.

— Ну, знаете, Александр Григорьевич... — сказал Громадин.

Грицевич виновато покашлял.

— Я, кажется, не попал, — сказал он. — Она передвигается с исключительной быстротой.

— Оч-чень рад, что вы не попали, — с сердцем сказал Привалов. — Здесь было много мишеней!

— Но вы видели ее, Петр Алексеевич? — спросил Грицевич. Он нервно потирал руки в меховых перчатках. — Вы разглядели ее?

— Серая и длинная, как щука.

— И у нее нет конечностей! — возбужденно сказал Грицевич. — Я совершенно отчетливо видел, что у нее нет конечностей! И, по-моему, у нее нет глаз!

Следопыты подошли к врачам.

— В такой кутерьме, — сказал Опанасенко, — очень легко перечислить, чего у нее нет. Гораздо труднее сказать, что у нее есть. — Он засмеялся. — Ну ладно, товарищи. Самое главное — нападение мы отбили.

— Я пойду поищу тело, — неожиданно сказал Морган. — Я попал один раз.

Опанасенко повернулся к нему.

— Что ты сказал, Федор? — спросил Морган.

— Ни в коем случае, — сказал Привалов.

— Нет, — сказал Опанасенко. Он притянул Моргана к себе и крикнул: — Нет, Гэмфри! Нет времени! Поищем завтра вместе на обратном пути!

Грицевич поглядел на часы.

— Ого, — сказал он. — Уже десять пятнадцать. Сколько еще идти, Федор Александрович?

— Километров десять, не больше. К двенадцати будем там.

— Отлично, — сказал Грицевич. — А где мой саквояж? — Он завертелся на месте. — А, вот он... Пойдемте.

— Пойдем, как раньше, — сказал Опанасенко. — Вы слева. Может быть, она здесь не одна.

— Теперь бояться нечего, — проворчал Привалов. — У Александра Григорьевича пустая обойма.

И они пошли, как раньше. Привалов — в пяти шагах позади Грицевича, впереди и правее — Опанасенко с карабином под мышкой, а позади и правее — Морган с карабином на шее.

Опанасенко шел быстро и думал, что больше так продолжаться не может. Независимо от того, убил Морган эту гадину или нет, послезавтра надо пойти на Базу и организовать облаву. На всех краулерах и вездеходах, с ружьями, динамитом и ракетами... Ему пришел в голову аргумент для несговорчивого Иваненки, и он улыбнулся. Он скажет Иваненке: «На Марсе уже появились дети, пора очистить Марс от всякой гадости».

Какова ночь, подумал Привалов. А ведь самое главное еще и не началось, и кончится не раньше, чем к пяти утра. Зато в пять, ну, скажем, в шесть утра парень уже будет вопить на всю планету. Только бы нам не опоздать. Через несколько месяцев мы будем всей Базой таскать парня на руках, вопрошая: «А кто это такой маленький? А кто это у нас такой хорошенький?» Только надо все очень тщательно продумать с центрифугой, и вообще пора вызвать с Земли хорошего педиатра. Парню совершенно необходим хороший педиатр...

В том, что это будет именно парень, а не девочка, Привалов не сомневался. Он очень любил парней, которых можно носить на руках, время от времени осведомляясь: «А кто это у нас такой славный?»

ЧЕРНЫЕ ЗЕРНА

Пшеница — основной хлеб земли. Под знойным небом Австралии, в степях Канады, в горах Эфиопии, в долинах Анатолии, на просторах Казахстана, на берегах Волги и Дона, на «крыше мира» — Памире — везде возделывается пшеница. Около 200 миллионов гектаров занимают ее поля на земном шаре.

«Культура поля, культура растения шла параллельно общей человеческой культуре» — писал Николай Иванович Вавилов.

Пшеница возделывается на земле испокон веков. Однако история ее культуры по-разному протекала на различных континентах, в разных странах. Так, в Америку, производящую ныне пшеницу на мировой рынок, она пришла лишь в начале XVII века. Но базируется там эта культура на русских сортах, завезенных с 1860 года и позднее различными переселенцами.

Не случайно культура пшеницы прибыла в Новый Свет из России. Наша страна — родина многих сортов пшеницы, культивировавшихся здесь в течение веков. В районе Закавказья советские археологи обнаружили при раскопках зерна пшеницы пяти тысячелетней давности. Здесь же произрастают поныне и дикие виды пшеницы. Но еще более древней оказалась пшеница, найденная в Туркмении, близ Ашхабада. Здесь ее возделывали около шести-семи тысяч лет назад при орошении, то есть возраст ее более древний, чем пшеницы, найденной в пирамидах и гробницах египетских фараонов.

Многое говорят археологам найденные при раскопках черепки от кувшинов, старые монеты или украшения. Не меньше рассказывают и зерна — черные, обуглившиеся от времени, рассыпающиеся в прах при малейшем сжатии.

Еще с конца прошлого века было известно, что древнейшие обитатели Триполья — люди каменного века — добывали себе пищу охотой, скотоводством и земледелием. Предполагалось, что культура их одинакова с культурой племен Восточной Европы. Так думали и тогда, когда среди остатков Трипольской культуры нашли зерна пшеницы. Полвека прошло, пока они «заговорили»: виды зерен, найденных в конце XIX века, были определены лишь в последнее время. Среди них оказалась не только мягкая пшеница, которую сеяли другие племена, но и зерна более древнего вида — твердой пшеницы, а также шестирядного ячменя. Земледельческая культура Триполья оказалась более высокой, чем культура других племен.

Остатки зерна и соломы мягкой пшеницы, обнаруженные при раскопках в Кустанайском районе близ селения Алексеевское, рассказали о жертвоприношениях племен Андроновской культуры, живших там за 1200 лет до нашей эры, о земледелии этих племен.

До последнего времени считалось, что земледелие было известно в древней Руси лишь с IX века. В северных же районах, где обитали восточные славяне, хлебопашество — так предполагали — было заимствовано из соседних скандинавских стран.

Однако раскопки в районе Пскова неожиданно показали, что здесь еще в IV—VI веках сеяли мягкую пшеницу, двухрядный ячмень и горох. А при раскопках в Старой Ладоге Ленинградской области в более поздних отложениях — VII и IX веков нашли обугленные зерна, похожие на ячмень, обнаружили колоски и отдельные зерна других растений.

Тогда было выдвинуто предположение, что восточные славяне питались вместо хлеба ячменем и просом, не зная хлебопечения. Однако анализ найденного зерна показал, что основная масса его представляет собой не ячмень, а пшеницу-полбу (древнейший вид пшеницы с ломким колосом и трудноотделимыми чешуйками). Возделывали древние ладожане и мягкую пшеницу. Ну, а ячмень, так же как овес и рожь, имелся в растительных остатках в виде отдельных зерен. Среди материала раскопок археологи нашли и сошник от древнего «плуга».

Все это позволило утверждать, что уже в VII веке даже на севере древней Руси — в районе 60-й параллели хлебопашество не только существовало, но было и достаточно развитым: обработка почвы велась не вручную, а с помощью орудий при сравнительно большом ассортименте культур. Выяснилось и то, что северное земледелие не было заимствовано из скандинавских стран, а развивалось самостоятельно. Об этом «рассказала» полба, высевавшаяся на Руси задолго до того, как появилась в Скандинавии.

Но стародавность русского земледелия не ограничивается VI и даже IV веком. В 1954 году раскопки южнее Ленинграда — у 58-го градуса северной широты — выявили еще более древнюю культуру земледелия. Здесь сеяли пшеницу в конце первого тысячелетия до нашей эры.

Много памятников земледелия и обугленных зерен пшеницы самых различных исторических периодов нашли советские археологи в Крыму, на Северном Кавказе, в Таджикистане и Узбекистане. И всюду черные зерна как бы приоткрывали завесу времени, позволяли заглянуть в далекое прошлое.

М. ЯКУБЦИНЕР

Цена 3 руб.

30 -

